

Джонатан чувствовал себя, как между молотом и наковальней. Нежданно-негаданно свалившиеся обязанности весьма некстати пересекались с дружественными визитами других Глав, традициями и прочим и прочим, о чем думать совершенно не хотелось.

Ну а по возвращению домой с "работы", он попадал на поле другой битвы — семейной. Итачи хотел тренироваться с отцом и недоумевал, почему тот перестал ходить на утренние тренировки (хотя Сальери честно выполнял привычную долю физических нагрузок: бегал по полчаса перед завтраком и ужином, отжимался, приседал и подтягивался... но телу почему-то все равно было мало, это чувствовал даже он), а схожесть Микото и матери определенно сошла на нет. Потому что мать никогда не стала бы мило улыбаться отцу, если тот вернулся в час ночи, никогда не стала бы накрывать поздний ужин, доставая на стол очень легкую и вкусную пищу, никогда не стала бы приходить в домашний кабинет с подносом ароматного чая и закусок, его мать никогда не была такой... нежной, мягкой и любящей. Она была воином, бойцом, который заботу и ласку выражал в мимолетной улыбке, вопросах и поцелуях в лоб. Тем не менее, Джонатан помнил, какой была Микото в лагере: суровой, хладнокровной и властной.

Пожалуй, все, что происходило днем, плавно отодвигалось на второй план, стоило ему пройти заученную дорожку до большого дома Глав, снять на пороге обувь и, по привычке тела (а может уже и не только тела), сообщить о своем приходе. И вот дневное напряжение спадает, стоит только увидеть нежную улыбку Микото и бесшумно возникающего на пороге Итачи.

Микото, тихо напевая незамысловатую мелодию, готовила ужин. Последнее время Фугаку совсем закрылся в себе, хотя раньше часто делился с ней тем, что его тревожит... пускай и в замысловатой форме, пускай презрительно фыркая, но отвечал на все ее вопросы, кратко рассказывал о том, что происходило днем. Это на людях он был само спокойствие и высокомерие, но она знала его настоящую сущность. Вольнолюбивую, сильную, ту, которая заставляла подчиняться... именно поэтому Микото раньше и боялась того, что Фугаку станет Главой клана. Сидячая жизнь... посадила бы на цепь его душу.

Итачи, что сейчас был на уроке кланового этикета, тоже замечал изменения в отце. Ведь раньше Фугаку никогда бы не стал укладывать сына спать и при этом мычать под нос странные колыбельные, не стал бы, при позднем возвращении, заходить к сыну в комнату и поправлять одеяло и фuton. И Микото не могла не признавать, что по отношению к Итачи Фугаку изменился в самую лучшую сторону. Он не баловал мальчика лаской, но и не обделял его ею, как бывало раньше.

В кипящую воду отправилось мелко нарезанное мясо, и Микото принялась за овощи для супа, когда почувствовала чакру мужа. Он был в смешанных чувствах, это стало понятно сразу, стоило ему только войти.

— Что-то случилось? — Участливо поинтересовалась она, оставляя на его щеке приветственный поцелуй.

— Ммм... — Неопределенно ответил он, садясь за стол. — Я почти закончил с бумагами.

— О, вот как. — Микото поставила перед ним пиалу с чаем и вазочку с печеньем. — И что осталось?

— Осталось наладить бухгалтерию и найти толкового парня или девушку, что ладят с цифрами, — задумчиво потирая подбородок ответил муж, откидываясь на спинку стула. Взгляд стал отстраненным, как в те моменты, когда он глубоко погружался в свои мысли. За последнюю неделю, что он стал главой, такое происходило всего раз, но тогда Микото многое узнала и поняла о ведении денежного потока (какая фраза замысловатая), и то, что думает Фугаку по поводу некоторых их соклановцев. — Но меня больше беспокоит другое...

— Хокаге? — Сразу догадалась Микото.

Да... после того переполоха, что устроил Фугаку накануне встречи со старейшинами, Хокаге здорово обеспокоился внутренними делами клана. Теперь Фугаку мотался в Администрацию и обратно как к себе домой, а АНБУ стали гораздо прохладнее относиться к своим учиховским коллегам. Это... было досадно.

Тем не менее, Микото не могла не отрицать, что после такой встряски, в клан вернулась дисциплина и спокойствие довоенных лет. Теперь, чтобы получить снаряжение, деньги или разрешение на миссию, было необходимо заполнить бланк (что-то вроде тех бумаг, которые заполняют в госпитале Конохи при приеме тяжелораненых пациентов), а это здорово упрощало жизнь старейшинам, которые теперь словно очнулись. Они и ранее следили за каждым членом клана, не позволяя секретам выйти наружу, а теперь так вообще муштровали возвращавшихся юнцов как особо провинившихся детей. Усилились нагрузки на тренировках, учителя по этикету, истории и письменности получили хороший втык от самого Фугаку. Квартал Учиха кипел от проводимых в нем работ. Одобрение старейшин получили два долгосрочных проекта. Теперь в список изучаемых предметов добавился счет и стратегия, а взрослых посадили писать отчеты по военным действиям и событиям.

— Хирузен хочет, чтобы Итачи пошел в Академию в следующем году. Ему не терпится также и увидеть его, что меня настораживает. — Наконец выдал Фугаку. Хирузен Сарутоби вызывал его не только для того, чтобы в подробностях выпытать происходящее в клане, но и для того, чтобы заставить Фугаку привести с собой Итачи. Чем мальчик так заинтересовал Хокаге Джонатан не понимал, но то, что интерес явно нездоровый, знал причем твердо.

— Но ведь... он может пойти со своими ровесниками через четыре года. А до этого момента он, по традициям, должен получить клановое образование. — Удивилась Микото. К чему Сарутоби такая спешка? Зачем отдавать мальчика в Академию так рано?

— Я так ему и ответил. Он остался недоволен. — Фыркнул муж, отпивая из пиалы. — Что-то мне все это не нравится...